

МКУК «Бирюсинская городская библиотека»

Как феникс из пепла

Литературно-поэтический вечер к 130-летию А. Ахматовой

2019

От странной лирики, где каждый шаг- секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По – видимому, мне спасенья нет.

Добрый день, уважаемые гости! Мы рады вас видеть на нашем литературно-поэтическом вечере, посвященном 130-летию со дня рождения известной русской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой.

Перечитывая дневник Ахматовой, мы нашли очень интересную запись: « И если поэзии суждено цвести в 20 веке именно на моей Родине, я смею сказать, что всегда была радостной и достоверной свидетельницей... И я уверена, что еще и сейчас мы не до конца знаем, каким волшебным хором поэтов мы обладаем, что русский язык молод и гибок, что мы еще совсем недавно пишем стихи, что мы их любим и верим им». И нам показалось, что никто, кроме Ахматовой не мог бы рассказать лучше о самой себе и о поэтах ее времени. Все, что вы услышите сегодня, было на самом деле. Хотя порой хочется, чтобы многое из всего этого никогда не происходило.

Ей были подвластны все секреты и тайны поэзии. Ей, поэту Анне Ахматовой, обладавшей несравненным поэтическим даром, великим талантом. Став знаменитой в 18 лет, она прожила долгую, трудную жизнь, бескорыстно служа литературе, никогда, даже в самые сложные моменты, не переставая писать стихи, не зная от них спасенья. Вся её жизнь – восхождение к вершинам творчества, священного ремесла – Поэзии.

Автобиографию Ахматова назвала «Коротко о себе»: «Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой. Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север - в Царское Село. Там я прожила до 16 лет. Мои первые воспоминания - царскосельские; зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое».

Ее мать, Инна Эразмовна Стогова, происходила из старинного дворянского рода. Она была очень красива: огромные голубые глаза, черные до колен волосы, удивительно нежный цвет лица. Ее характерная форма носа с горбинкой досталась и дочери. Она хорошо знала литературу и любила её. Мать всегда была невероятно доброй и внимательной к детям, и они очень любили ее.

Анна Ахматова вспоминала: «Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет.

Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина и Некрасова. Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно. Начальница гимназии очень не любила меня, наверное за то, что однажды на катке я интриговала ее сына...»

С юности Анна читала римских авторов – Горация, Овидия. Знала французский,

немецкий и итальянский языки. А позже, годам к 30, по её словам, она подумала: «Так глупо прожить жизнь и не прочесть Шекспира, любимого писателя» и стала учить английский язык. Занималась по 8 часов в день. Через полгода она уже свободно читала Шекспира в оригинале.

Ахматова: «Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем, где за смелость и своенравие получила прозвище «дикая девочка». По её собственным словам,:

-Я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы, бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма, и загорала до того, что сходила кожа и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень. Самое сильное впечатление этих лет - древний Херсонес, около которого мы жили. В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов...»

Когда в печати стали появляться ее первые серьезные стихи, отец запретил ей подписывать их своей настоящей фамилией - Горенко. Тогда юная Анна взяла литературный псевдоним – фамилию прабабушки – татарской княжны Ахматовой. 24 декабря 1903 года она познакомилась с Николаем Гумилевым, он был старше Анны на три года и тоже учился в Царскосельской гимназии.

Николай Гумилев родился 15 апреля 1886 года бурной штормовой ночью, и, по семейному преданию, старая нянька предсказала, что у него будет бурная жизнь. Существует версия, что фамилия Гумилевых происходит от латинского слова *humilis*, что значит “ смиренный”, но поэт Николай Гумилев жил всякому смирению вопреки, был жесток и требователен к себе и окружающим.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.
Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую

Николай Гумилёв был дружен с братом Анны Андреем, часто бывал у них дома. И уже давно был влюблён в неё. Несколько раз делал ей предложения, но она их отклоняла.

Анна Ахматова, тонкая стройная девушка, долго не хотела замечать надменного и нескладного юношу с лицом, далеким от представления о красоте. Три года длились его объяснения в любви и повторялись ее отказы, после одного из которых Гумилев пытался покончить с собой.

Гумилев:

Да, я знаю, я Вам не пара,

Я пришел из иной страны,

И мне нравится не гитара,

А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам-
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Я люблю, как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет.
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.
И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,
Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: “Вставай!”

В апреле 1910 года Анна, наконец, дала согласие на брак. 25 апреля 1910 г. в предместье Киева Никольская слободка в Николаевской церкви состоялось венчание. На свадьбе не было родственников Анны, это было чуть-ли не тайное венчание. Из дома невеста выехала в обычной одежде, а недалеко от церкви переоделась в подвенечный наряд. Всё происходило тайно, очевидно, в связи с трауром в семье Гумилёва: у него умер отец.

Ахматова записала в дневнике: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Гумилева. Он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли я его, не знаю, но кажется мне, что люблю.»

Гумилев:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал - забавницу,
Гадал - своенравницу,

Веселую – птицу - певунью.
Покликаешь - морщится,
Обнимешь - топорщится,
А выйдет луна - затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, - и хочет топиться.

О Николае Гумилеве, Ахматова, в свою очередь, написала :

Он любил три вещи на свете:
За вечерней - пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

В медовый месяц Анна совершила первое путешествие за границу, в Париж (вторично побывала там весной 1911), познакомилась с А. Модильяни, сделавшим с нее карандашные портретные наброски. Весной 1912 Гумилевы путешествовали по Италии.

1 октября 1912 года родился их единственный сын Лева.

Корней Чуковский вспоминал: «Анну Андреевну Ахматову я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н.С.Гумилева, который тогда уже, при первом знакомстве, назвал её своей ученицей. То были годы её первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов. Прошло два-три года, и в её глазах, и в осанке, и в её обращении с людьми наметилась одна главная черта её личности: величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: «царственная», монументально важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии».

Гумилев очень точно выразил это в своих стихах:

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.
Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью, дольней и отрадней,
Высокомерна и глуха...

Говоря о раннем творчестве Анны Ахматовой, Корней Чуковский вспоминал: «Изо всех мук она особенно облюбовала одну: муку безнадежной любви. Я люблю, но меня не любят; меня любят, но я не люблю, - такова была её излюбленная тема...

«У неё был величайший талант чувствовать себя разлюбленной, нелюбимой, нежеланной, отверженной. Говоря от лица нелюбимых, она создала целую вереницу страдающих, почерневших от неразделенной любви, смертельно тоскующих образов...»

Сжала руки под темной вуалью...

“Отчего ты сегодня бледна?”

- Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь.

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка

Все, что было. Уйдешь, я умру”.

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: “Не стой на ветру.”

Брак с Николаем Гумилевым был недолгим, продлился всего 8 лет. В год развода Анна Ахматова подарила Гумилеву сборник стихов “Белая стая” с надписью: “Моему дорогому другу Н. Гумилеву с любовью А.Ахматова. 10 июня 1918 г. Петербург».

А в 1921 году Николай Гумилев был расстрелян по ложному доносу якобы за участие в контрреволюционном заговоре.

Первые сборники Ахматовой – «Вечер», «Четки», «Белая стая»- принесли ей известность и славу. Её вступление в литературу напоминало триумфальное шествие, она была окружена в эти годы всеобщим поклонением - не только как поэт, но и как прекрасная женщина. Стихи её первых сборников – о любви, о радости встреч и горечи расставаний, о несбывшихся надеждах. Стихи эти напоминали своей простотой страницы дневника, они волновали читателя тонкостью чувств и глубиной переживаний, они запоминались с лету, их заучивали наизусть.

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,

Но шаги мои были легки.

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: “Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой”.
Я ответила: “ Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...”
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.
29 сентября 1911

Сама Ахматова, в особенности в поздние годы, относилась критически к своим ранним стихам. В полусутоливой форме она писала о книге «Вечер»: «Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз...» Появились они и на некоторых иностранных языках. Сама она не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны: «чтобы не расстраиваться»!

«Вечером»

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.
Он мне сказал: «Я верный друг!»-
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...

Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса-
Ты первый раз одна с любимым». (1913 «Чётки»)

«Я научилась просто, мудро жить...»

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утолить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто – красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озёрной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.
(1912 «Чётки»)

В 1921 году вышел сборник стихов "Подорожник", в 1922 году - книга "Anno Domini". Примерно с середины 20-х годов Анна начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина.

Первые послереволюционные годы в жизни Ахматовой отмечены лишениями и полным отдалением от литературной среды, но осенью 1921 после смерти Блока, расстрела Гумилева она возвращается к активной деятельности — участвует в литературных вечерах, в работе писательских организаций, публикуется в периодике.

В 1924 новые стихи Ахматовой публикуются в последний раз перед многолетним перерывом, после чего на ее имя наложен негласный запрет. В печати появляются только переводы.

Сына Ахматовой Льва Гумилёва арестовывали трижды. Впервые - в 1935г.,

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,

У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.
[Ноябрь] 1935, Москва

затем – в 1938г. В перерывах между арестами он успел проявить себя как незаурядный ученый – историк. В 1948 году, едва освободившись, защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук. А в 1949 году был арестован и осужден на 10 лет лагерей.

Впоследствии она вспоминала:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнувшись от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.»

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, стопятниц, пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе.
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и казни – петь я
В этом ужасе не могу.

Но и «в этом ужасе», она продолжала писать. Над лирическим циклом «Реквием», позднее называемым ею и поэмой, Ахматова работала в 1934-1940 годах и в начале 60-х годов.

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень,

Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.
1938

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей -
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизней кончается...
1938

Приговор

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.
[22 июня] 1939, Фонтанный Дом

По словам Лидии Чуковской, «Реквием» заучивался людьми, которым Ахматова доверяла, а таких было не более десятка. Рукописи, как правило, сжигались, и только в 1962 году Ахматова передала «Реквием» в редакцию «Нового мира».

Поэма «Реквием» впервые опубликована в журнале «Октябрь» в 1987 году .

Слова «Реквиема» обращены ко всем «умершим» на семьдесят лет согражданам. Тем, кто сажал, и тем, кто сидел. Тем, кто мучил, и тем, кто был замучен. И в этом смысле - это глубоко народное произведение. В небольшой по объему поэме показана очень горькая страница жизни всего народа.

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,

Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.
Март 1940

В 1939 после полузаинтересованной реплики Сталина издательские инстанции предлагают Ахматовой ряд публикаций. Выходит ее сборник «Из шести книг» (1940), включавший наряду с прошедшими строгий цензурный отбор старыми стихами и новые сочинения, возникшие после долгих лет молчания. Вскоре, однако, сборник подвергается идеологическому разносу и изымается из библиотек.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Ахматова пишет плакатные стихотворения, которые стали всенародно известными).

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

По распоряжению властей ее эвакуируют из Ленинграда до первой блокадной зимы, два с половиной года она проводит в Ташкенте.

Ахматова вспоминала: «Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву. До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар, древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела. В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград».

Из воспоминаний Натальи Роскиной:

«Я пришла к Анне Андреевне летом 1945 года. Жила Ахматова тогда – даже не скажешь: бедно. Бедность – это мало чего, у нее же не было ничего. В пустой комнате стояло небольшое старое бюро и железная кровать, покрытая плохим одеялом. Видно было, что кровать жесткая, одеяло холодное. В комнате стоял один единственный стул.»

В 1945-46 Ахматова навлекает на себя гнев Сталина, узнавшего о визите к ней английского историка И. Берлина. Кремлевские власти делают Ахматову наряду с М. М. Зощенко главным объектом партийной критики; направленное против них постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) ужесточало идеологический диктат и контроль над советской интеллигенцией, введенной в заблуждение раскрепощающим духом всенародного единства во время войны. Снова возник запрет на ее публикации.

Впоследствии Анна Андреевна часто рассказывала всем, как она узнала о касающемся её и Зощенко постановлении ЦК. Газет Анна Андреевна никогда не получала, радио у неё не было. Она ничего не знала! Кто – то позвонил и спросил, как она себя чувствует, позвонил и еще, и еще кто-то. Не чуя беды и лишь слегка недоумевая, она ровно отвечала всем: все хорошо, благодарю вас. И, выйдя зачем-то на улицу, она прочла, встав на цыпочки, поверх чужих голов, газету с докладом Жданова. «Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. До убожества ограничен диапазон её поэзии – поэзии взбесившейся барыньки. Основное у неё – это чувство обреченности. Все мы любим Ленинград. Для Зощенко, Ахматовой и им подобных Ленинград советский не дорог. Старый Петербург, Медный всадник — вот что маячит перед их глазами... Это грубая политическая ошибка. (Из Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград" от 14 августа 1946 года.) Эту «грубую политическую ошибку» поспешили исправить. Ахматову исключили из Союза писателей, лишили продовольственных карточек, обрекли не просто на бедность, но на нищету.

Ахматова:

«Я получала крошечную пенсию, на которую жить было невозможно. Друзья организовали тайный фонд помощи Ахматовой. По тем временам это было истинным героизмом. Они покупали мне апельсины и шоколад, как больной, а я была просто голодная.»

(из воспоминаний знакомых Анны Андреевны):

«Дом, в котором жила Анна Ахматова, был необычный дом, а здание Главсевморпути. У входа сидел вахтер и спрашивал пропуск. Гостям Ахматовой он постоянно делал замечания – «почему засиделся» или что-то в этом духе. Сама она обязана была предъявлять удостоверение на право входа в собственную квартиру, настоящее удостоверение с фотографией. В графе «профессия» было написано «жилец». Совсем незадолго до смерти она вынула его из сумочки и показала мне со смехом – помните? Я не

могла засмеяться. На меня глянула жуткая фотография тех лет, испуганные, широко раскрытые глаза.»

Ахматова:

Узнала я, как опадают лица,
Как из – под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных
И в сухоньком смешке дрожит испуг.

И только в последние годы к Ахматовой пришла всемирная слава. Ей вручается Международная литературная премия «Этна – Таормина» в Италии, присваивается звание почетного доктора литературы Оксфордского университета. Она вновь, как и в молодости побывала в Риме, в Париже, в Англии. На Родине же она все чаще проводила дни и месяцы в больницах, подолгу жила у друзей в Москве или в маленьком дачном домике в Комарове, под Ленинградом, где, не имея даже обычной садовой скамейки, сочиняла стихи, сидя на ступеньках.

Пусть кто – то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень – и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.
(.....)
Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.

Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и не звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном –
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутомленным стоном.

Анна Ахматова скончалась 5 марта 1966 года в Москве после четвертого инфаркта. Гражданская панихида по ней проходила в тесном помещении морга Института Склифосовского безо всякого предварительного оповещения. Из тогдашнего руководства Союза писателей никто не явился. Церемонию открыл, сдерживая слезы, Арсений Тарковский. Потом друзья и ученики увезли прах Ахматовой в Ленинград, где она была отпета в храме Николая Морского и похоронена на кладбище в Комарове. Под соснами Комарова она обрела свой последний приют. На ее могиле нет грандиозного памятника, только деревянный крест. Она и не нуждается в монументах – вечным и самым прочным памятником стала ее жизнь и её стихи.

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.

А я иду – со мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: "Сюда прихожу, как домой".
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громохание черных марушь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Памятник Анне Ахматовой встал напротив "Крестов" в декабре 2006 года. Бронзовое воплощение великой русской поэтессы смотрит на следственный изолятор "Кресты", где некогда был заключен ее сын - Лев Гумилев.

«Родная земля»

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем,

Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хвораю, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах,
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно своею.

И в заключение нашего вечера мне хочется прочитать вам стихотворение, которое относится, наверное, ко всем поэтам, независимо в какое время и в какой стране они жили. В полной мере оно относится и к Анне Ахматовой.

Поэты не рождаются случайно,
Они летят на землю с высоты,
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.
Глаза таких божественных посланцев
Всегда открыты и верны мечте,
И в хаосе проблем их души вечно светят тем
Мирам, что заблудились в темноте.
Они уходят, выполнив задание,
Их отзывают высшие миры,
Неведомые нашему сознанию,
По правилам космической игры.
Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш:
Актеры, музыканты и поэты –
Целители уставших наших душ.
В лесах их песни птицы допевают,
В полях для них цветы венки совьют,
Они уходят вдаль, но никогда не умирают
И в песнях и в стихах своих живут.